Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 119–128
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):119–128

Проблемы уголовного и процессуального права

Научная статья
УДК 342.951/343.3
EDN XBXRFM

Семантические аспекты в вопросах юридической ответственности за различные виды пропаганды в России

Евгений Владимирович Миллеров[1], Елена Александровна Миллерова[2]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, evgenijj-millerov@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0003-5611-8833

[1, 2]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

[2]Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, MillerovyEVEA@yandex.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время юридическая ответственность за различные виды социально опасной пропаганды получила свое распространение, как в нормах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, так и нормах Уголовного кодекса Российской Федерации. Довольно непростая природа и близкое семантическое значение термина «пропаганда» с другими терминами, примененными законодателями в этих нормах в качестве альтернативы пропаганды либо ее инструмента, делает актуальной **цель** статьи – детальное исследование этих норм на предмет выявления пробелов и несоответствий терминологического арсенала, использованного в нормотворческой практике при разработке и введении статей об ответственности за пропаганду в вышеуказанные кодексы.

Методы. Нормативной основой данного исследования послужили некоторые основополагающие нормы Конституции Российской Федерации, нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие юридическую ответственность за разные виды пропаганды, а также уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях некоторых стран ближнего зарубежья. Методологическую основу данного исследования составили: диалектический метод познания, историко-правовой, сравнительно-правовой, системно-структурный и некоторые другие методы научного познания.

Результаты. В рамках данного исследования рассмотрены семантические аспекты в вопросах применения законодателями термина «пропаганда» в нормах российского законодательства об административных правонарушениях и уголовного закона, предусматривающих сегодня ответственность за различные виды социально опасной пропаганды в нашем обществе. Ознакомление с трудами лингвистов касательно их толкования термина «пропаганда» выявило некоторое несовпадение его понимания в лингвистике относительно понимания данного термина в юриспруденции. Проведено сравнительное исследование с другими терминами, обозначающими аналогично наказуемые пропаганде действия (альтернативные), на предмет их семантического сходства и различия, а также соразмерности их опасности для общества, в том числе с приведением позиции Верховного Суда Российской Федерации и анализом судебной практики по разным регионам России.

© Миллеров Е. В., Миллерова Е. А., 2025

Выводы. Приведены результаты наиболее близкого семантического сходства пропаганды с другими, использованными законодателями терминами. Выявлены некоторые предусмотренные уголовным законом и законодательством об административных правонарушениях альтернативно (равнозначно) наказуемые пропаганде действия, обладающие, по мнению авторов, существенно меньшей опасностью. В некоторых проанализированных нормах обнаружены термины подлежащие, согласно авторским выводам, исключению из этих норм. Выдвинуто предложение о целесообразности введения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации универсальных определений, для применения ко всем нормам, предусматривающим в этих кодексах юридическую ответственность за различные виды пропаганды.

Ключевые слова: пропаганда, юридическая ответственность, виды, административные правонарушения, преступления, терминология, семантическое значение, толкование, особенности, отличия, проблемы, пути совершенствования

Для цитирования: Миллеров Е. В., Миллерова Е. А. Семантические аспекты в вопросах юридической ответственности за различные виды пропаганды в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 119–128. EDN XBXRFM

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

Semantic aspects in matters of legal responsibility for various types of propaganda in Russia

Evgeny V. Millerov[1], Elena A. Millerova[2]

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, evgenijj-millerov@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0003-5611-8833

[1, 2]Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

[2]Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, MillerovyEVEA@yandex.ru

Abstract

Introduction. Currently, legal liability for various types of socially dangerous propaganda has become widespread, both in the norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The rather complicated nature and close semantic meaning of the term "propaganda" with other terms used by legislators in these norms as an alternative to propaganda or its tool makes **the purpose** of the article relevant – a detailed study of these norms in order to identify gaps and inconsistencies in the terminological arsenal used in standard-setting practice when developing and introducing articles on responsibility for propaganda in the above-mentioned codes.

Methods. The normative basis of this study was some fundamental norms of the Constitution of the Russian Federation, the norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, which provide for legal liability for various types of propaganda, as well as criminal legislation and legislation on administrative offences in some neighboring countries. The methodological basis of this research consists of the dialectical method of cognition, historical-legal, comparative-legal, systemic-structural and some other methods of scientific cognition.

Results. This study examines the semantic aspects of the use of the term "propaganda" by legislators in the norms of Russian legislation on administrative offenses and criminal law, which today provide for responsibility for various types of socially dangerous propaganda in our society. Familiarization with the works of linguists regarding their interpretation of the term "propaganda" revealed some discrepancy in its understanding in linguistics relative to the understanding of this term in jurisprudence. A comparative study was conducted with other terms denoting actions (alternative) that are similarly punishable by propaganda, regarding their semantic similarities and differences, as well as the proportionality of their danger to society, including the position of the Supreme Court of the Russian Federation and the analysis of judicial practice in different regions of Russia.

Conclusions. The results of the closest semantic similarity of propaganda with other terms used by legislators are presented. Some actions provided for by the criminal law and the legislation on administrative offenses are alternatively (equivalently) punishable by propaganda, which, according to the authors, are significantly less dangerous. In some of the analyzed norms, terms were found to be subject, according to the author's conclusions, to exclusion from these norms. A proposal has been put forward on the expediency of introducing universal definitions into the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation to apply to all norms providing for legal responsibility for various types of propaganda in these codes.

Keywords: propaganda, legal responsibility, types, administrative offenses, crimes, terminology, semantic meaning, interpretation, features, differences, problems, ways of improvement

For citation: Millerov E. V., Millerova E. A. Semantic aspects in matters of legal responsibility for various types of propaganda in Russia. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):119–128. (In Russ.). EDN XBXRFM

Введение

В соответствии со ст.29 Конституции РФ в нашей стране каждому гарантируется свобода мысли и слова, но при этом не является допустимой пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, национальную или религиозную ненависть и вражду, также запрещена пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.[1]

Пропаганда является мощным средством активизации как положительных процессов в обществе (к примеру, пропаганда здорового образа жизни, традиционных российских семейных ценностей, любви к Родине и т.п.), так и явно отрицательных, способных причинить вред гражданам и даже интересам государства в целом (пропаганда наркотиков, нацистской символики, педофилии, однополых отношений и т.п.). В этой связи в любом сильном государстве должны иметь место реальные рычаги борьбы с социально негативной пропагандой, где одним из самых действенных является юридическая ответственность.

В настоящее время ответственность за разные виды социально вредной пропаганды предусмотрена как в Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[2], так и в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ)[3].

Теоретические основы

В КоАП РФ сегодня все составы административных правонарушений, предусматривающих ответственность за социально негативную пропаганду, можно поделить на три группы: 1) пропаганда, способная причинить вред здоровью граждан: (ст. 6.13 и ст. 6.13.1 КоАП РФ); 2) пропаганда, способная причинить вред традиционным российским духовно-нравственным ценностям в сфере половых отношений (ст.ст. 6.21, 6.21.1 КоАП РФ); 3) пропаганда нацизма и экстремизма (ст. 20.3 КоАП РФ).

Составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность за общественно опасную пропаганду, связаны непосредственно с: пропагандой терроризма (ст.ст. 205.2 и 205.4 УК РФ); пропагандой незаконной религиозной деятельностью насильственного характера либо причиняющей вред здоровью граждан иными способами (ст. 239 УК РФ); пропагандой диверсионной деятельности (ст. 281.3 УК РФ); неоднократностью пропаганды нацизма или экстремизма (ст. 282.4 УК РФ).

Если обратить внимание на все вышеперечисленные нормы КоАП РФ и УК РФ, то заметим, что многих из них не было в первоначальной редакции этих кодексов. Так, в июне 2013 г. в КоАП РФ появилась ст. 6.21, а ст. 6.13.1 была введена в КоАП РФ в феврале 2021 г.,

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
[2] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СПС «Консультант Плюс».
[3] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СПС «Консультант Плюс».

ст. 6.21.1 в декабре 2022 г. В уголовное законодательство, а именно в УК РФ ст. 205.2 была введена в июле 2006 г., ст. 205.4 в ноябре 2013 г., ст. 281.3 в декабре 2022 г., ст. 282.4 была введена в УК РФ несколькими месяцами ранее (июль 2022 года). Таким образом, мы видим, что законодатель активизировал свое внимание на юридическую ответственность за различные виды социально вредоносной пропаганды лишь в последние 10-15 лет.

Помимо пристального внимания российских законодателей относительно борьбы с интересующими нас общественно опасными деяниями пропагандистского характера, в научно-правовом сообществе также выступают с предложениями введения целого ряда норм, предусматривающих юридическую ответственность за виды пропаганды, до сегодняшнего дня в КоАП РФ и УК РФ не имеющихся. Например, одни авторы предлагают ввести в УК РФ общую уголовно-правовую норму об ответственности за антигосударственную пропаганду и агитацию[1, с. 513], другие выдвигают предложение по установлению уголовной ответственности за пропаганду отказа от профилактических прививок [2, с. 20], кто-то считает целесообразным уголовную ответственность за пропаганду наркотиков в сети «Интернет» [3, с. 413], а некоторые даже в своих научных трудах поднимают вопрос установления уголовной ответственности за «пропаганду детского веганства» [4, с. 143–148].

Обращаясь к детальному толкованию термина «пропаганда», сразу скажем, что в законодательстве есть официальные определения, но только для двух видов уголовно наказуемой пропаганды, а именно пропаганды терроризма и диверсии (в примечаниях к ст. 205.2 и ст. 281.3 УК РФ). Определения по своему содержанию схожи, однако в достижении целей пропаганды есть существенные различия. Так, согласно примечанию к ст. 205.2 УК РФ целью пропаганды террористической деятельности является «…формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности», а в примечании к ст. 281.3 УК РФ целью пропаганды диверсии «…формирование у лица убежденности в необходимости осуществления диверсионной деятельности». Таким образом, законодатель определяет цели пропаганды терроризма гораздо шире цели пропаганды диверсионной деятельности. Для других норм УК РФ, равно как и КоАП РФ, предусматривающих юридическую ответственность за другие виды пропаганды, определений не предусмотрено. Вместе с тем, считаем вполне возможным и даже целесообразным предусмотреть как в УК РФ, так и в КоАП РФ единые официальные определения для всех видов преступной и административно наказуемой пропаганды.

Обратимся к Толковому словарю русского языка, где «пропаганда» – это распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения [5, с. 616]. В этой связи, мы сразу видим, что слово «распространение» является самым близким по семантической природе пропаганде. Более того, распространение в отдельных нормах права даже является инструментом пропаганды.

Некоторые лингвисты, изучив практику применения норм о юридической ответственности за пропаганду отмечают, что по ряду дел (о пропаганде гомосексуализма, пропаганде наркотиков, пропаганде нацизма), пропаганда подразумевала просто распространение сведений (информирование об определенном положении дел), без явных признаков нацеленности субъекта на изменение мнения у адресата пропаганды, что говорит об отличии понимания природы слова «пропаганда» у юристов в сравнении с лингвистами [6, с. 205].

В этой связи посмотрим подробнее, что же именно в лингвистике считается пропагандой. Итак, лингвисты выделяют следующие характерные свойства пропаганды:

1. Субъект пропаганды, который зачастую имеет институциональный характер.

2. Адресат пропаганды, который, как правило, представляет собой определенную социальную группу людей, мнение которых должно быть изменено после воздействия на них путем пропаганды.

3. Совокупность достаточно простых тезисов и аргументов в содержании пропаганды.

4. Противопоставленность оценки желаемой ситуации и ее альтернатив.

5. Повторяемость тезисов в доводимой пропагандистами информации до адресатов пропаганды.

6. Наличие определенного периода пропагандистской компании.

7. Практическая возможность распространения информации в среде адресатов пропаганды [7, с. 62–64].

Ознакомление с признаками пропаганды, выделяемыми в трудах лингвистов, наталкивает на вопрос, является ли она исключительно публичной деятельностью. Как видим, содержательная сторона ни одного из вышеперечисленных лингвистических признаков не имеет прямого указания на публичность, в то же время, акцентирование внимания на определенную социальную группу людей в качестве адресата пропаганды, говорит о том, что лингвисты видят в пропаганде, если даже и не широко публичную, но, согласитесь, и не личностную (индивидуальную) направленность. В этой связи просматривается разночтение в понимании данного термина между лингвистами и правоведами, где вторые считают, что пропаганда может носить не только публичную, но и личностную (индивидуальную) направленность. Такой вывод мы делаем исходя из: 1) отсутствия в нормах КоАП РФ и УК РФ термина «публичная» применительно к пропаганде; 2) толкования термина «пропаганда» Верховным Судом РФ применительно к некоторым составам преступлений[1].

Анализ судебной практики говорит о том, что пропаганда также очень схожа с рекламированием. В этой связи их разграничение не всегда бывает четким и простым, что показывает выборочный анализ рассмотрения дел о правонарушении, предусмотренном ст. 6.13 КоАП РФ[2].

Однако сравнение содержательной стороны слова «реклама» с термином «пропаганда» позволяет увидеть довольно существенную разницу между ними. Так, под «рекламой» согласно п. 1 ст. 3 ФЗ «О рекламе» понимается «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке»[3].

Под объектами рекламы в соответствии с п. 2 ст. 3 этого же ФЗ понимаются рекламируемые: товары; средства индивидуализации юридического лица и (или) товара; изготовитель или продавец товара; результаты индивидуальной деятельности или мероприятие. Таким образом, реклама исключительно нацелена на пробуждение интереса к продаваемому товару либо продаваемым услугам у потенциального их покупателя. В этой связи, к примеру, неуместно говорить «сделать рекламу человека» (т.е. рекламировать его как личность), для этого, особенно в рамках предвыборных компаний, есть точно подходящее и традиционно применяемое слово «агитация», что видно и из федеральных законов, данные процессы регулирующих[4], а также норм, предусматривающих юридическую ответственность за нарушения законодательства касаемо агитации. К слову, в России за такие деяния предусмотрена только административная ответственность (ст.ст. 5.8, 5.10, 5.11, 5.13 КоАП РФ), между тем, анализ уголовного законодательства стран СНГ говорит о том, что

---

[1] «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // СПС «Консультант Плюс».

[2] Постановление Центрального районного суда г. Читы (Забайкальский край) от 21.08.2024 г. по делу об административном правонарушении № 5-1008/2024; Постановление Центрального районного суда г. Читы (Забайкальский край) от 28.08.2024 г. по делу об административном правонарушении № 5-1091/2024 // «Судебные и нормативные акты РФ». https://sudact.ru/.

[3] Федеральный закон 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О рекламе» // СПС «Консультант Плюс».

[4] Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; Федеральный закон от 10.01.2003 N 19-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О выборах Президента Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

в некоторых государствах Содружества, за отдельные действия, связанные с агитацией в предвыборных компаниях и референдумах, предусмотрена и уголовная ответственность (ст. 191 УК Республики Беларусь[1], ст. 147 Уголовного кодекса Республики Узбекистан[2]).

В КоАП РФ и УК РФ помимо наказуемости за социально вредоносную пропаганду, имеется немалое количество норм, предусматривающих юридическую ответственность и за призывы к какой-либо социально опасной деятельности, что семантически близко пропаганде, в данной связи на этом нельзя не заострить наше внимание. Согласно Словарю лингвистических терминов О.С. Ахмановой «призыв» является одной из нескольких основных функций языка, заключающейся в обращении к слушающему и побуждении его к восприятию речи [8, с. 356, 508].

В соответствии с уже упомянутым Словарем С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под «призывом» может пониматься целый ряд действий: позвать, пригласить, потребовать явиться или делать что-нибудь; предложить вести себя определенным образом; пожелать чего-нибудь кому-нибудь; потребовать явки на военную службу; политический лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую политическую идею, требование; просьба, мольба; установленное законом привлечение граждан к выполнению воинской обязанности; лица определенного возраста, одновременно призываемые на военную службу [5, с. 591].

За социально опасные призывы предусмотрена ответственность целым рядом норм КоАП РФ и УК РФ: ст.ст. 13.15, 13.37, 13.41, 14.62, 20.2.2, 20.3.2, 20.3.3, 20.3.4 КоАП РФ; ст.ст. 110.2, 205.2, 212, 280, 280.1, 280.3, 280.4, 284.2, 354 УК РФ. Наказуемы призывы к: террористической деятельности; экстремистской деятельности; незаконному массовому пребыванию и передвижению граждан в общественных местах; нарушению территориальной целостности России; дискредитации деятельности Вооруженных Сил РФ; введению иностранным государством ограничительных мер в отношении России и ее граждан; самоубийству; массовым беспорядкам; против безопасности РФ; развязыванию агрессивной войны и др.

В большинстве вышеперечисленных норм КоАП РФ и УК РФ наказуемость имеет место при наличии публичности призывов (использован термин «публичные призывы»), а лишь в некоторых нормах признака публичности для призывов не требуется (ст.ст. 13.41, 14.62, 20.3.4 КоАП РФ; ст.ст. 110.2, 212, 284.2 УК РФ). В этой связи сам собой напрашивается вопрос: Может ли быть призыв не публичным, а если нет, то прав ли законодатель, указывая его в вышеуказанных нормах КоАП РФ и УК РФ без обязательного признака публичности? Возвращаясь к приведенному здесь выше толкованию этого термина известными отечественными лингвистами (Ахманова О.С., Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.), а также соглашаясь с мнением правоведов, посвятивших свои исследования непосредственно вопросам юридической ответственности за общественно опасные призывы, в том, что «…сущностная направленность призывов – стремление возбудить у лица или многих лиц желание совершать преступления определенной направленности (на наш взгляд, это аналогично применимо и к адм. правонарушениям – прим. авт.) путем тщательного внушения, а не разового высказывания или просто предложения» [9, с. 215], можно дать уверенный ответ в том, что действительно, призывы могут носить как массовый (публичный) характер, та и определенную адресность.

Кстати, опять же, говоря касательно определений терминов, в данном случае термина «призывы» либо «публичные призывы», интересно отметить, что в упомянутом выше примечании к ст. 205.2 УК РФ даны определения всем ключевым терминам в этой статье («террористическая деятельность», «публичное оправдание терроризма», «пропаганда

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 17.02.2025 г.) // ИС «Континент» – https://continent-online.com/.

[2] Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII) (с изм. и доп. по сост. на 27.03.2025 г.) // ИС «Континент» – https://continent-online.com/.

терроризма»), за исключением термина «публичные призывы» к этой деятельности. Вместе с тем, толкование этому термину имеется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященного вопросам судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности[1].

В рамках данного исследования не будем обходить стороной сравнение пропаганды с еще одним термином – «склонение». В КоАП РФ термин склонение законодатель не применил, а вот в диспозициях норм Особенной части УК РФ это слово использовано чаще, чем пропаганда. Склонение в качестве действия как признака объективной стороны встречается здесь в целом ряде составов преступлений (ст.ст. 110.1, 151.2, 184, 205.1, 230, 230.1, 281.1, 282.1, 282.2 УК РФ).

Сравнивая перечень норм УК РФ, где в диспозиции использован термин «склонение» с перечнем статей, где есть слово «пропаганда», мы не находим ни одной нормы, где бы эти термины применялись совместно, как, например, «пропаганда» и «публичные призывы». Это легко объяснимо, ведь склонение, в отличие от пропаганды или призывов, всегда четко адресовано, направлено на конкретного физического лица (либо нескольких конкретных лиц), в целях добиться от них желаемого для субъекта преступления поведения. В этой связи, наиболее часто применяемым термином в качестве альтернативы склонению, выступает слово «вовлечение», которое встречается в диспозициях большинства составов преступлений, где «склонение» как преступное действие имеет место быть (ст.ст. 151.2, 205.1, 212, 281.1, 282.1, 282.2 УК РФ).

Результаты и обсуждение

Анализ норм КоАП РФ и УК РФ, предусматривающих ответственность за различные виды пропаганды, показал, что законодатель ставит в равнозначность этому действию немало альтернативных деяний. Так, в ч. 1 ст. 6.13 КоАП РФ реклама альтернативна пропаганде («пропаганда либо незаконная реклама») относительно наркотических средств и иных веществ, предусмотренных диспозицией этой нормы. В ст. 6.13.1 КоАП РФ предусмотрена ответственность за пропаганду потребления закиси азота либо распространение информации о его реализации вне целей, перечисленных в диспозиции этой нормы. В ч. 1 ст. 6.21 КоАП РФ распространение информации о нетрадиционных сексуальных отношениях указана законодателем в качестве составляющей пропаганды таких отношений, равно как частью пропаганды здесь выступает совершение каких-либо публичных действий, направленных на формирование у людей нетрадиционных сексуальных установок. То же самое и в ст. 6.21.1 КоАП РФ, где распространение информации о педофилии, является частью ее пропаганды. Некоторые авторы предлагают заменить в данной норме термин «пропаганда» на слово «оправдание», т.к. содержание диспозиции указанной статьи, по их мнению, наиболее соответствует именно второму из двух указанных терминов [10, с. 75]. В ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ альтернативой пропаганде и равно наказуемым этой нормой действием является публичное демонстрирование атрибутики или символики, перечисленной в данной статье (нацистская, экстремистская).

В ст. 205.2 УК РФ пропаганде терроризма альтернативой и равно наказуемыми действиями выступают публичные призывы к осуществлению терроризма, а также публичное его оправдание. Согласно ч. 3 ст. 239 УК РФ участие в деятельности организаций, указанных в частях первой и второй данной нормы, равнозначно по степени своей общественной опасности с пропагандой создания и руководства такими организациями. В ст. 282.4 УК РФ предусмотрен состав с административной преюдицией, который отсылает к ст. 20.3 КоАП РФ, поэтому по терминологическому соотношению пропаганды с другими видами общественно опасных действий здесь все то же самое, что и было указано при анализе ст. 20.3 КоАП РФ.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «Консультант Плюс».

Некоторые авторы, так же как и мы исследовавшие вопросы квалификации деяний по ст. 20.3 КоАП РФ, отмечают, как правило, отсутствие пропаганды в совершении этого деяния: «…Чаще всего в действиях правонарушителей усматривается публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, как правило, пропаганда не имеет доказательственной силы» [11, с. 74].

Детальный анализ диспозиций норм КоАП РФ и УК РФ, предусматривающих юридическую ответственность за различные виды социально опасной пропаганды, наряду с альтернативно наказуемыми ей действиями, на наш взгляд, необходим, в том числе по причинам, некоторыми авторами уже указанным: «…Альтернативные деяния не должны быть идентичными или лишь тождественными в какой-то отдельной части, в ином случае происходит наслоение уголовно-правовых явлений, как правило, приводящее к дополнительным трудностям в правоохранительной деятельности» [12, с. 142].

В целях наибольшей наглядности такого анализа приведем термины, использованные в диспозициях интересующих нас норм в виде таблицы (см.: табл. 1).

Таблица 1 – Терминология, применяемая наряду с пропагандой в нормах КоАП РФ и УК РФ

Table 1 – Terminology used along with propaganda in the norms of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation

терминология	статьи
реклама	ч.1 ст.6.13 КоАП РФ
распространение информации	ст.6.13.1 КоАП РФ
навязывание информации	ч.1 ст.6.21, ч.1 ст.6.21.1 КоАП РФ
публичное демонстрирование	ч.1 ст.20.3 КоАП РФ, ч.1 ст.282.4 УК РФ
публичные призывы	ч.1 ст.205.2 УК РФ
публичное оправдание	ч.1 ст.205.2 УК РФ
участие в деятельности	ч.3 ст.239 УК РФ

Анализ действий, являющихся альтернативой пропаганде и равнозначной ей наказуемостью, позволяет увидеть различную, на наш взгляд, их общественную опасность. Так, например, равнозначно наказуемое пропаганде распространение информации (ст. 6.13.1 КоАП РФ), явно имеет менее вредоносный характер, нежели пропаганда, поэтому последняя должна быть потенциально жестче наказуема, чем просто распространение информации. То же самое можно сказать о публичном демонстрировании (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, ч. 1 ст. 282.4 УК РФ).

Применение словосочетания «навязывание информации» в качестве альтернативы указанной здесь же пропаганды в ч. 1 ст. 6.21 и ч.1 ст. 6.21.1 КоАП РФ выглядит не совсем удачным нормотворческим шагом законодателей, поскольку навязывание информации другим гражданам, на наш взгляд, является частью пропаганды, а не ее альтернативой. В этой связи, навязывание информации было бы правильным из вышеуказанных норм исключить.

Заключение

Таким образом, в результате исследования семантических аспектов в вопросах юридической ответственности за различные виды пропаганды, предусмотренной нормами КоАП РФ и УК РФ, можно сделать следующие выводы и некоторые предложения:

1. В качестве признака объективной стороны, как административных правонарушений, так и преступлений, пропаганда наиболее близка по своей природе и семантическому значению к деяниям, называемым законодателями: «призывы», «распространение», «реклама».

2. Выявлено несколько отличающееся понимание природы пропаганды у лингвистов и правоведов. В научных трудах первых, очевидно, что в пропаганде они усматривают исключительно публичную направленность (публичный характер), согласно нормотворческой практике вторых, а также их толкованию норм, предусматривающих юридическую ответственность за различные виды пропаганды, она может носить как публичную, так и частную (индивидуальную) направленность на конкретного человека.

3. Пропаганда является наиболее социально опасной в сравнении с равнозначно наказуемым ей сегодня распространением информации (ст. 6.13.1 КоАП РФ), поэтому пропаганда должна быть наказуема жестче, чем просто распространение информации. То же самое касается и равнозначности наказуемости в настоящее время пропаганды и публичного демонстрирования (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, ч. 1 ст. 282.4 УК РФ).

4. Применение словосочетания «навязывание информации» в качестве альтернативы пропаганды в ч. 1 ст. 6.21 и ч. 1 ст. 6.21.1 КоАП РФ выглядит не совсем удачным нормотворческим шагом законодателей, поскольку навязывание информации другим гражданам, на наш взгляд, является частью пропаганды, а не ее альтернативой. В этой связи, навязывание информации было бы правильным в указанных нормах исключить.

5. В Кодексе РФ об административных правонарушениях и Уголовном кодексе РФ целесообразно предусмотреть универсальные определения пропаганды, применительно ко всем нормам, предусматривающим юридическую ответственность за административно / уголовно наказуемые виды пропаганды в данных кодексах.

Список источников

1. Ступина С.А. К вопросу об уголовной ответственности за антигосударственную пропаганду и агитацию // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 510–513.

2. Гунай А. Ч. К вопросу об ответственности за пропаганду отказа от вакцинации // Эпомен. 2019. № 31. С. 14–22.

3. Муравьев С. И. Уголовная ответственность за пропаганду наркотиков в сети «Интернет»: назревшая необходимость или угроза конституционным свободам ? // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С.405–416.

4. Хачатрян В. А., Симонян Р. З. О необходимости введения уголовной ответственности за пропаганду детского веганства // Медицинское право: теория и практика. 2023. № 3-4 (21-22). С. 143–148.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

6. Плотникова А.М. Пропаганда: коллизии юридического и лингвистического понимания // Материалы Международной научной конференции «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления». Екатеринбург: УГПУ, 2015. С. 201–205.

7. Баранов А. Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 2. Том 12. С. 53–65.

8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: «Советская энциклопедия», 1966. 606 с.

9.Минязева Т. Ф., Добряков Д. А. Ответственность за призывы к совершению преступления в уголовном праве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 210–218.

10. Рыдченко К. Д. Административная ответственность за пропаганду педофилии: перспективы применения и пути совершенствования // Общество и право. 2023. №1 (83). С. 71–78.

11. Кирьянова О. В. Административная ответственность за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики и символики: теория и судебная практика // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 72–75.

12. Пшеничнов И. М., Смирнов Е. А. К вопросу об ответственности за пропаганду и оправдание терроризма: состояние, зарубежный опыт, пути совершенствования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 137–144.

References

1. Stupina S. A. On the issue of criminal liability for anti-state propaganda and agitation. *Law and the State: theory and practice*. 2024;9(237):510–513. (In Russ.)

2. Gunai A. Ch. On the issue of responsibility for the promotion of vaccination refusal. *EPOMEN*. 2019;(31):14–22. (In Russ.)

3. Muravyov S. I. Criminal liability for drug propaganda on the Internet: urgent need or threat to constitutional freedoms ? *Issues of Russian justice.* 2019;(4);405–416. (In Russ.)

4. Khachatryan V. A., Simonyan R. Z. On the need to criminalize the promotion of child veganism. *Medical law: theory and practice.* 2023;3-4(21-22):143–148. (In Russ.)

5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions* / RAS. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language – 4th ed., supplement. – Moscow: Azbukovnik; 1999. (In Russ.)

6. Plotnikova A. M. Propaganda: conflicts of legal and linguistic understanding. In: *Proceedings of the International Scientific Conference "Political Linguistics: problems, methodology, research aspects and prospects for the development of the scientific field".* Yekaterinburg: UGPU; 2015. Pp. 201–205. (In Russ.)

7. Baranov A. N., Parshin P. B. The category of propaganda in the linguistic examination of the text. *Theory and practice of forensic examination.* 2017;2(12):53–65. (In Russ.)

8. Akhmanova O. S. *Dictionary of Linguistic Terms*.– Moscow: Soviet Encyclopedia; 1966. 606 p. (In Russ.)

9. Minyazeva T.F., Dobryakov D.A. Responsibility for calls to commit a crime in the criminal law of the Russian Federation. *Bulletin of Tomsk State University.* 2024;(499);210–218. (In Russ.)

10. Rydchenko K. D. Administrative responsibility for pedophilia propaganda: prospects of application and ways of improvement. *Society and law.* 2023;1(83):71–78. (In Russ.)

11. Kiryanova O. V. Administrative responsibility for propaganda and public display of Nazi paraphernalia and symbols: theory and judicial practice. *Agrarian and Land Law.* 2023;5(221):72–75. (In Russ.)

12. Pshenichnov I. M., Smirnov E. A. On the issue of responsibility for propaganda and justification of terrorism: status, foreign experience, ways of improvement. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2020;3(51):137–144. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. В. Миллеров – кандидат юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления; доцент, Донской государственный технический университет.

Е. А. Миллерова – кандидат юридических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения; доцент, Донской государственный технический университет.

Information about the authors

E. V. Millerov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management; Associate Professor, Don State Technical University.

E. A. Millerova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Rostov State Transport University; Associate Professor, Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025; одобрена после рецензирования 29.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 13.05.2025; approved after reviewing 29.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.